

МАРК КАЧИМ

**ПРОКЛЯТАЯ
ГОНКА**

Марк Качим

Проклятая гонка

«Литнет»

2025

Качим М.

Проклятая гонка / М. Качим — «Литнет», 2025

Что такое Формула Один? Быстрые машины, богатые мужчины и красивые девушки - так думают многие. А что такое Формула Один на самом деле? Можно ли узнать ее изнутри всего за одну гонку? Рольф Ритбергер - не топовый гонщик и ни разу не выигрывал ни одного Гран-При. Но он уже пять лет в Формуле, и казалось бы, знает о ней всё. Но если свой болид он действительно знает до последнего винтика, то у многих хорошо знакомых ему людей нашлись некрасивые и страшные тайны. От автора: Уважаемые читатели. Несмотря на то что книга писалась с очень серьезным погружением в матчасть, я постарался сделать ее максимально понятной и комфортной для людей, абсолютно незнакомых с Формулой Один. Так что если даже это не ваша «травя» травя, читать можно смело как обычный детектив)

© Качим М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Глава 1

Дождь обрушился на трассу одновременно с погасшими сигналами светофора.

Останавливать старт было поздно. И даже опасно. Рольф лишь успел подумать, что половину пелетона они оставят в первом повороте, когда краем глаза заметил движение — всегда стартующий лучше других Тоби тронулся с места.

Качнуть лепесток под рулем, вдавить в пол педаль газа. Действие, отработанное до автоматизма, все равно каждый раз получалось по-разному.

Движок взревел, "подхватил" первую передачу, и машина рванула вперед. Рольф крутанул рулем вправо, стремясь к первому повороту подойти по внутренней стороне. Ситуация — не до обгонов, тут бы машину сохранить и поменьше мест потерять. Из-под колес идущего впереди Маурисио в него полетело облако водяной пыли.

Обзор кончился. Дальше только на удаче и чутье. Рольф не отпускал газ. В зеркала смотреть толку не было — их залило.

"Не меняй курс, на внешнем радиусе полно народу", — донеслось из наушников. Надин, его гоночный инженер, была сосредоточена и спокойна. Как, собственно, и всегда, не зря же ее Ледяной Леди звали.

- Услышал, — отозвался Рольф, и тут в него вылетел Маурисио. Вернее, его переднее правое колесо.

Уходя от контакта, Рольф придавил тормоз. Ненадолго, всего на долю секунды, но мимо пронеслись и Маурисио, и два размытых красных пятна Феррари, и оранжевое — Макларен.

Вся квалификация к чертовой матери. Осталось только зеленый Астон Мартин или черно-серебристые Мерседесы пропустить — и очков Рольфу не видать.

Удружил напарничек.

Приходилось надеяться лишь на остановку гонки из-за дождя и рестарт. Сквозь завесу воды Рольф пытался разглядеть красные флаги, но маршалы размахивали только желтыми или желто-красными. Видимо, кто-то столкнулся в конце стартовой прямой, но настоящего завала там не случилось, а количество воды на трассе не сочли фатальным.

"Прогноз — через пять минут дождь закончится", — сообщила Надин.

- Принял, — ответил Рольф, вворачиваясь-таки в первый поворот. Занять позицию внутри оказалось правильным решением, толкотни тут было меньше.

Надин ничего не сказала о том, какой интенсивности будет этот дождь и на всей ли протяженности трассы будет он идти. Если как сейчас, то еще до окончания первого круга Рольфа неминуемо ждет заезд в боксы на пит-стоп за дождевой резиной с полноценным протектором. А если этого не сделать, он будет терять на каждом круге по несколько секунд, оставаясь на промежуточных шинах, и рисковать в каждом повороте поймать аквапланинг.

Но если дождь не усилится, то все, кто стартовал на дождевой, разрушат шины намного раньше, чем Рольф.

Ну что, благоволит к нему Сузука*?

Видимо, не очень, потому что к исходу первого круга он был тринадцатым. В спину дышал кто-то на Заубере — в столбе воды Рольф видел только расцветку болида, но не гоночный шлем. Надо отчалить от него, если Рольф не хочет через круг попасть под жесткий прессинг, едва трасса подсохнет достаточно, чтобы разрешили открыть крыло.

**Сузука — трасса Формулы Один, находится в городе Сузука, префектура Миэ, Япония. Место проведения Гран-При Японии, входящих в чемпионат мира Формулы Один с 1987 года по настоящее время.*

Дождь не унимался. Причем если на стартовой прямой и в "Эске" после первого поворота он просто моросил, то к "Ложке" начинался настоящий ливень. В повороте было полно воды, и при попытке пройти ее хотя бы на сотне километров в час Рольф сорвал в занос все четыре колеса.

Поймать машину он успел. Заубер испуганно шарахнулся от него, отъехав на добрую секунду. Рольф пожелал синоптикам не ошибиться сегодня и дал газу, набирая скорости к "Сто тридцатому".

- "Ложка" мокрая, — отчитался, чуть переведя дух. — Что по прогнозу?

Ответа Надин он не услышал — из стены дождя прямо перед носом машины возник бок потерявшей управление Феррари. Рольф дал газу, выкрутил руль. "Сто тридцатый" неумолимо приближался, но пока у него была задача потруднее — не убраться с трассы в стену вместе с Феррари.

Из кокпита Рольф вылез не сразу. Просто не мог заставить себя двигаться.

Гонка выдалась адски тяжелой. У Рольфа ныли руки, а шея просто задеревенела. Под задницей, по ощущениям, образовалась лужа из налетевшей в кокпит воды.

Но если бы дело было только в физиологии. Гонщики тренируются выдерживать несколько сотен повторений чудовищных перегрузок и при этом не терять концентрации, а еще каждый, кто пробился в Королевские гонки, давно обернул душу в толстый защитный панцирь. Но порой судьба подкладывала такие заряды, что никакая броня не выдержит.

Впрочем, ничего нового не случилось. Старо как мир, проходили не раз и не два. Рольф подождал, пока в ушах перестанет стучать, и выбрался наружу. Пришлось потрудиться, чтобы натянуть на лицо улыбку, но даже если выйдет кривовато — всегда можно сослаться на сложность гонки.

В закрытом парке царила суматоха, как и обычно по окончании заезда. Рольф постоял в небольшой очереди на взвешивание, забрал у маршала распечатку результата, не без труда стащил с себя шлем. Поморщился от боли, когда плотная пена внутренней части шлема потянула за собой выбившиеся из-под балаклавы волосы.

Его тут же заключили в грубые объятия — Тобиас Дюнкерк, кто же еще. Темно-синий, цвета ночного неба комбинезон с многочисленными рекламными нашивками, а идею раскраски шлема он явно у попугая стащил, зарядив в краскопульт кислотные оттенки синего, красного и желтого. Лидер несокрушимых Рейсинг Вингов. Вообще-то это Рольф должен лезть к нему с обнимашками, ведь именно Тоби в очередной раз покориł Сузуку, но когда Дюнкерк снисходил до формальностей?

- Отличная гонка! — восклицал Тоби, тряся Рольфа, как тряпичную куклу. Даром что в Рольфе было сто восемьдесят пять сантиметров роста. Тоби превосходил его всего на сантиметр и был на пять кило легче, но силы в этом сыне славной Швейцарии было немеряно.

- И ты красава, — Рольф от всей души дубасил его по широченной спине кулаками. — Не пустил-таки Чарли.

- Не дорос еще наш Чарли меня в "Ложке" натягивать, — хмыкнул Тобиас и наконец дал Рольфу свободу. — Слабоваты "Скаутс мобил" для такой трассы, как Сузука.

Чарли, как и всегда, светил улыбкой на миллион. Но устал, было заметно. На скулах остались вмятины от внутренних ребер шлема "арлекиншей" раскраски в черно-белую клетку, лоб блестел от пота. Впрочем, Тоби тоже выложился на все сто, одни круги под глазами чего стоили. И только Маурисио был свеж и бодр. Определенно, напарник Рольфа подпитывался от чужих эмоций, и общение с тысячами фанатов его не утомляло. Мало того, он умудрялся устраивать эти самые общения не после гонки, когда напряжение уже спало, а до нее. И на

старт приходил, просто светясь от счастья. Рольф, в день гонки не всегда способный даже протеиновый батончик в себя впихнуть, лишь молча завидовал такому складу психики.

Рольф обнял и Чарли, искренне поздравляя со вторым местом, и поспешил подойти к ждущим его механикам. Неважно, что настроение ни к черту, парни в этом не виноваты. Они отработали уикенд на все сто.

- Спасибо, вы лучшие, — совершенно искренне улыбался Рольф, пожимая крепкие мозолистые руки.

К ним подошел Маурисио. Хлопнул Рольфа по плечу.

- Двадцать семь очков на двоих, неплохо, как думаешь? — с улыбкой спросил он.

- Двадцать восемь, я лучший круг взял, — поправил его Рольф. Быстро прикинул общее количество очков их команды в Кубке Конструкторов. — Может, и догоним.

Все. На сегодня с него хорош. Надо убираться в паддок.

Конечно, еще придется пообщаться с репортерами, но сначала надо попить воды и отлить. И, кажется, лучше поменять местами эти действия.

До момента облегчения было рукой подать, когда Рольфа выловил Пио, исполнительный директор команды.

- Рольф! — позвал Пио. — Поздравляю с четвертым местом! Всегда прекрасно, когда команда работает сплоченно.

Рольф кивнул. У него было что ответить Пио, но, увы, рвущиеся с языка слова как раз лучше придержать, если он хочет подписать контракт на следующий год. Тем более что до конца осталось всего две гонки, и свободных мест в командах по пальцам одной руки можно было пересчитать.

- Рад, что ты все понимаешь, — Пио сладенько улыбнулся, по-отечески похлопал Рольфа по спине.

После этого он наконец отчалил, оставив за собой удушливый запах баснословно дорогого парфюма, а Рольф поспешил по зову природы.

Надо бы было поесть, но Рольфу и после относительно легких гонок кусок не лез в горло еще пару часов, а когда трасса выматывала так, как сегодня, то о еде и думать не хотелось. Организм же настырно требовал восполнения потраченной энергии, так что Рольф прибег к “аварийной системе” — протеиновому коктейлю.

Интервьюером сегодня был Петер, чемпион десятилетней давности. Он как никто другой знал, что произошло на последнем круге гонки и какие радиопереговоры, тщательно замаскированные под обсуждение состояния шин, велись в это время. И догадывался, почему не стоит спрашивать, что стало причиной такого резкого падения темпа у Рольфа, давшего возможность Маурисио отыграть семь секунд отставания и обогнать его. И почему идущую в двух секундах за Маурисио Феррари Рольф к себе не подпустил. Так что разговаривали они о выборе шин, о том, что почти никто не попал в погоду по итогу и все совершили как минимум один лишний пит-стоп, о трассе. Петер не стал долго муржить Рольфа, прекрасно понимал степень усталости, но даже так времени все равно прошло немало, и паддок Рольф покидал уже спокойным.

Жаль, что в этом году Гран-При Японии поставили в календарь на осень — если бы была весна, можно было бы попробовать найти сакуры. Но нет так нет, и Рольф двинулся в сторону аэропорта. Лететь придется с пересадкой, но с фаст-треком это не такая уж беда.

Да и вообще не обязательно сразу лететь домой. До следующего Гран-При три недели, можно позволить себе небольшой отпуск.

Судьба, конечно же, тут же услышала его желание.

- Не спи, поворот пропустишь, — Чарли бухнулся в кресло рядом с ним. — Ты куда сейчас?

- Пока до Франкфурта, как и ты, а там... — Рольф пожал плечами, посмотрел на Чарли. — У тебя есть варианты?

- Ага, зависнуть на пару дней во Франкфурте, — Чарли свесил с подлокотников руки, запрокинул голову, закрыл глаза. На висках и шее у него все еще виднелись вспухшие вены. — Надо перезагрузиться, или до конца чемпионата я не дотяну. Не подскажешь приличный клуб? Да уж, перевести дух точно стоило.

- Ты, наверное, хотел сказать “неприличный”, — усмехнулся Рольф, разглядывая украшавшие запястье Чарли часы, стоящие как минимум полмиллиона, его белоснежные кроссовки на толстой подошве — с виду обычные, но “тянущие” на десятки тысяч долларов, — настолько потрепанные широкие джинсы, что, кажется, развалятся при первом же шаге, и короткое черное пальто. На любом другом подобный наряд смотрелся бы нелепо, но Чарли эта помесь последних писков моды невероятно шла. И торчащий над воротником пальто капюшон худи казался уместным. — Есть парочка. Кого еще с собой зовем? — настроение поползло вверх, как индикатор заряда батареи гибрида.

- Всех, конечно, — Чарли приподнял зад, вытащил из кармана джинсов непонятно как помещавшийся туда здоровенный телефон, принялся отбивать сообщения, целиком погрузившись в это занятие.

Рольф тоже достал свой — просмотреть почту. Быстро проглядел присланный контракт на рекламу, отписался, что все окей и он готов работать. Не самый жирный кусок, но и не мелочевка на пятьдесят-семьдесят тысяч. И работенка непыльная — отсняться в паре видео да в паддоке светить гаджетами. Ну и в соцсети ролики закинуть — тоже не проблема.

Блогером в истинном смысле Рольф не был — у него не хватало терпения снимать каждый свой шаг, потом тратить кошмарно много времени на монтаж и наложение музыки и постить это параллельно в кучу соцсетей. Но у него было неплохое количество подписчиков, а самое главное, просмотры шортсов и сториз оказывались привлекательными для рекламодателей.

Быстрее и проще было заработать на публикациях “на шаг откровеннее предназначенных для открытых ресурсов” на платформах с платными подписками, но пока Рольф выкручивался и без этого. И искренне надеялся, что трясти исподним ради места в кокпите ему все-таки не придется.

- Ну все, наши помчали покупать билеты, — Чарли снова приподнялся, сунул телефон обратно в карман. — Пойду гляну, может, там чего поесть можно.

Но успел только подняться на ноги, как объявили посадку. Чарли соорудил страдальческую мину и подхватил на руки рюкзак.

- Нас ждет два приема пищи на борту, — напомнил ему Рольф.

- До этого еще как минимум час при условии, что мы взлетим без задержки, — вздохнул Чарли. — И еще не факт, что кормить будут нормально.

- Могу предложить протеиновый коктейль, — Рольф знал, что Чарли ненавидит их, но поддеть ближнего своего — да кто ж от такого удержится-то?

- Фу! — Чарли не просто сказал это громко и с чувством, он еще и язык высунул и рожу от всей души скривил. — Тоби, он пытался всунуть мне протеин! — нажаловался подоспевшему к началу посадки Дюнкерку.

Ничего удивительного, для всех гонщиков, кто жил в Европе, рейс на Франкфурт был самым удобным. Хотя тот же Маурисио летал исключительно через Дубай и только первым классом. Тоби и Чарли и обычный бизнес-класс устраивал, хотя один “распечатал” в этом году контракт в сто миллионов за год, а у второго, помимо гонок, было столько источников дохода, что его номер в списке Форбс был меньше, чем на комбине зоне, и при желании каждый из них мог позволить себе бизнес-джет, если вообще не личный самолет.

Ужина на борту Рольф не дождался — отрубился еще до взлета под щебет бортпроводниц, угощавших Чарли фруктовой нарезкой. Да, обслуживание еще не начато, но если на борту Чарли Кларк, разве это не повод чуть-чуть изменить правила?...

Глава 2

I

Неужели уже прошло две недели после Сузуки?

Рольф не понимал, куда успело деться время.

Хотя как “куда”. Два дня они с Тоби прочно зависали с Чарли и его друзьями. Обошли едва ли не все клубы Франкфурта и большую часть баров. Наверное, дело не кончилось бы только Франкфуртом, но, к счастью, они нашли один с доской для дартса и отрывались там до самого закрытия, бросая дротики. Как и всегда, играли не на просто так, но ставки были самые что ни на есть символические — один евро. И все равно Рольф выиграл две сотни — в их компании лучше играл только Чарли. Тоби же радовался уже факту, что брошенный им дротик оказывался в доске, а не падал на пол, отскакивая от стены.

Потом Рольф уехал на съемки и договорился о второй рекламе. Контракт ему подбросил Чарли, причем далеко не в первый раз.

— Спасибо, — мужская честь Рольфа получила приличную пробоину — кто-то мог сказать, что он подъедает с тарелок Чарли. Они вдвоем сидели в вип-кабинке пафосного ночного клуба, когда Чарли созвонился со своим менеджером и попросил дать рекламодателям знать, что для них есть отличный “материал для съемок”. Вот так вот просто отшил всемирно известную марку одежды премиального сегмента. И счет за ужин и напитки Чарли оплатил, даже не взглянув на сумму, а когда Рольф и Тоби попытались хотя бы за себя перевести денег, заявил, что так его еще никто не оскорблял. Рольфа, кстати, приди он в этот клуб один, и на порог бы не пустили, отправив занимать электронную очередь на входные билеты на сайт. Перед Чарли и “это со мной” не только распахнули двери, но и свободную кабину нашли.

Но в конце сезона Рольфу было не до гордости, так что он поблагодарил Чарли за возможность заработать.

— Не стоит, — Чарли, конечно же, все понимал. Сам он на месте Рольфа сроду не был: его отец владел сетью отелей, и семья была небедная — но никогда не кичился капиталами. — Ты как, успеваешь собрать?

— По идее да, — Рольф потянулся за еще одним коктейлем. — Но продлевать контракт в следующем году не буду. Достало все.

— За год что угодно может измениться, — Чарли тоже взял еще стакан. — За твою удачу.

— За нашу, — поправил его Рольф.

— Против меня пьете? — Тоби, покрасневший и растрепанный, вернулся в кабинку. Откинул с лица влажные светлые волосы, выющиеся беспорядочными кольцами. — Хорош сидеть в углу, как пара пауков, пошли на танцпол. Девчонок красивых тьма, и твои парни их сейчас всех порасхватают!

Он в несколько глотков опустошил бутылку с минералкой и снова рванул в шум и лучи прожекторов танцпола, только длиннющие ноги мелькнули.

— И это тот Тоби, что в прошлом году чуть не женился, — фыркнул Чарли. Снова поднял стакан. — Давай за удачу для нас всех. Дойти до конца сезона живыми и не тронуться умом.

— За удачу, — согласился Рольф.

Они выпили и отправились топтать танцпол, присоединившись к парням и Тоби. Его слова оказались правдой — концентрация женской красоты на единицу площади клуба превышала все мыслимые значения.

Их узнали — как говорится, это был лишь вопрос времени. Сначала, конечно же, Чарли, на что Тоби показательно обиделся, мол, как так-то, я уже двукратный чемпион, а он только в этом сезоне свою первую победу взял. Девушки тут же ринулись исправлять вселенскую несправедливость, окружив Тоби своим вниманием. Впрочем, Чарли с Рольфом тоже пере-

пало с лихвой, ибо “они самые красивые в пелетоне”. А Рольф еще и родом был из пригорода Франкфурта, как говорится, местный дальше некуда.

Наутро, а если точнее, то после обеда все трое выползли в лобби отеля. Полечиться кофе и минералкой, обсудить дела. Чарли собрался на Ибицу — оттянуться, потанцевать, Тоби решил слетать домой, а Рольф возвращался в Монако.

I

Съемки прошли нормально. Рольфу перепал здоровенный чемодан брендовых шмоток и комплект рекламных гаджетов, тоже достойных. Банковский счет пополнился на полмиллиона разом. Неплохо, еще парочка таких контрактов — и он наберет нужную сумму.

Довольный жизнью и собой, Рольф собирался посвятить оставшееся до Гран-При время тренировкам и отдыху, но когда его планы сбывались, как задумано?

— Рольфи, мальчик мой, — Пио аж снизошел до звонка. — Как твои дела?

От этого слащавого тона ничего хорошего ждать не приходилось. Наверное, надо на каком-то “очень важном мероприятии” рожей посветить, а Маурисио на такую мелочь отрываться не хотелось. Или он просто не взял трубку.

— Тренируюсь, — ответил Рольф.

— Прекрасно, — судя по голосу, Пио приравнял этот ответ к “Бездельничая”. Пио, конечно же, знал как важна физическая форма пилотов, но почему-то искренне считал, что она поддерживается сама по себе. — Значит, у тебя есть пара часов свободного времени.

Понятно, нужно куда-то сходить. Или погоняться где-то на показательных покатушках.

— Не уверен, я хотел плотно поработать над выносливостью, Сан-Паулу и Сингапур легко не дадутся, — попробовал улизнуть Рольф. Затея обречена на провал, но, может, получится бонус какой себе вытребовать?

— Не прибедайся, тебе даже Катар в разгар лета не страшен, — с языка Пио разве что мед не капал. Пожалуй, не стоило это себе представлять, особенно после воспоминания о Катаре. К горлу подступила тошнота, и Рольф поспешил к холодильнику, надеясь, что не допил приготовленный утром лимонад. В кувшине осталось на самом дне, но и этого хватило, чтобы кислый и холодный напиток умиротворил желудок.

— Куда мне надо съездить? — в лоб спросил Рольф. Обмен любезностями затягивался, и пора было переходить к сути.

— Тебе никуда, — вот даже жаль, что Рольф знал, что сахарным диабетом не заболевают, обожравшись сладкого. А то сейчас бы у него точно случился дебют этого заболевания, столько меда было в голосе Пио. — В Бразилии к нам присоединится одна милая леди, помоги ей, пожалуйста. Она пишет очерк о гонках... “Один день” что ли или “Один Гран-При”, я не очень хорошо запомнил. Ей нужен материал.

А вот и говна лопата. Уж лучше благотворительный вечер.

— В Бразилии и без репортеришек будет дел хватать, — Рольф понимал, что возражения напрасны, Пио уже все решил. Но не мог не попытаться достучаться до его здравого смысла. — Спринт-уикенд же.

— Вот именно, тренировок меньше, — объявил Пио. — И помни, мой мальчик, мы — команда. Мы вместе делаем одно дело и все идем одной дорогой к главной цели.

И на этом счел дело решенным и отчалил. В смысле сбросил вызов, оставив Рольфа вариться в собственных эмоциях.

Одно дело, ну конечно! Что ж Пио тогда репортерочку под Маурисио не подложил? Не во вкусе Маурисио красotka? Или вообще не красotka?

Воображение тут же подкинуло образ американской домохозяйки сильно за сорок. Только не тот, что рекламировали в известном на весь мир сериале, а истинный. Лишний вес,

неухоженная внешность, после школы учиться дальше не стала, кругозор развивает исключительно чтением купонов на скидки.

Рольф нормально относился к недостаткам внешности и не понаслышке знал, каково это, когда на счетах голяк, а надо и закладную за дом выплачивать, и рассрочку за подержанный пикап гасить, и детей кормить. Тут уж не до заботы о себе. Но когда причиной была лень... Ладно, не до философских открытий сейчас. Придется таскать эту мисс с собой.

А если она местная и по-английски не говорит?

— Значит, буду вещать ей на немецком, — мстительно пообещал Рольф пустой комнате.

Ну Пио, ну удружил. Сам, небось, и к репортажу потом примажется, посветив на фото своей лоснящейся рожей, и настоит на: “За помощь в создании статьи благодарю команду и отдельно исполнительного директора Пио Ломбардо”. И гонорар наверняка огребет. Не из чистого ж альтруизма он ее пустил-то.

Ладно, делать все равно нечего. И журналисточка далеко не первая, к кому Рольфа приставляли в качестве поводыря. Справлялся он с потенциальными спонсорами и просто богатыми бездельниками, и с ней тоже совладает.

Рольф родился и вырос в Германии и гонялся именно под немецкой спортивной лицензией, хотя мать у него была родом из Швеции и в принципе можно было воспользоваться этим. Возможно, сложись у него хуже в картинге и “младших гонках”, он бы так и сделал, чтобы избавиться от стереотипного сравнения любого, кто соревнуется под черно-красно-желтыми флагами, с Михаэлем Шумахером. Но у Рольфа было достаточно природных данных и упорства, чтобы пробиться даже сквозь огромную толпу немецких новичков.

Еще бы спонсором разжиться... но с этим пока глухо.

Все, хорош рефлексировать, оборвал себя Рольф. Он хоть и не британец, но поговорку, советующую расслабиться и думать об Англии, знал.

В конце концов, может, репортерша недурна собой. И может — это, конечно, из серии фантастики, но мечтать же Рольфу никто не запрещает, — она окажется неглупа настолько, что поймет разницу между сликом и дождевой шиной.

Скорее всего, будет что-то одно, но и с этим Рольф справится. Красотку можно после гонки в клуб сводить, а с умненькой он обсудит кое-какие тонкости своего ремесла. И, может, тоже сводит в клуб. При условии, что ей не меньше восемнадцати и не больше шестидесяти, конечно.

На этой оптимистичной ноте Рольф надел кроссовки и отправился бегать на Авеню Принцессы Грейс. Жизнь в Монако была дорогим удовольствием, но Рольф любил это место и был готов платить за возможность гулять по улочкам крошечного княжества или проводить время в порту, глядя, как маневрируют огромные яхты.

Глава 3

Бразилия встретила мягким для ее климата теплом и чистым ясным небом. Рольф гонялся здесь не впервые и знал, что это ненадолго. Если не сегодня и не завтра, то в воскресенье дождь пойдет точно. Лично Рольф предпочел бы испить всю чашу небесной влаги прямо сейчас, второй Сузуки вообще не хотелось. Но зрители бы с ним не согласились: дождевые гонки всегда вызывали восторг.

Пройдя все формальности на пропускной зоне и попав в привычную каждому гонщику суматоху паддока, Рольф взял курс на капитанский мостик своей команды, то и дело останавливаясь, чтобы поздороваться с кем-нибудь, и парочку раз, чтобы дать автограф. Наконец он прошел мимо ряда боксов к раскинувшимся вдоль стартовой прямой местам, где во время гонок, квалификаций и свободных заездов сидели инженеры и руководство, в режиме реального времени корректируя стратегию и тактику команды.

— О, привет, — Фелипе, огромный испанец с черными как смоль усами и белоснежной шевелюрой, похлопал Рольфа по спине, на миг оторвавшись от созерцания графиков и диаграмм на многочисленных мониторах. Гонщики еще не сели в болиды, но телеметрия уже шла. — Как сам?

— В форме, — кивнул Рольф. — У нас проблемы? — коснулся пальцами своих нижних век и кожи под глазами. — В твои мешки можно парочку кенгуру спрятать.

Уставший вид у главного гоночного инженера команды — так себе начало уикенда.

— У вас — нет, — отмахнулся Фелипе и схватился за щеку. — Зуб, зараза. Только взлетели — и заболел так, хоть на стену лезь. Сейчас свободную практику отработаем — и надо искать клинику. Ни один обезбол не берет.

— Держись, — посочувствовал ему Рольф. — Надин, ты мне что-нибудь расскажешь?

— Да, но чуть попозже, — Надин одарила его укоряющим взглядом. — Я ждала тебя только через полчаса.

— Не спалось, — соврал Рольф. Он привык к смене часовых поясов, а перелеты в кресле бизнес-класса не приносили особых неудобств. Но он все равно чувствовал себя уставшим, и виной этому был разреженный воздух. Конечно, это не Мексика и ее две тысячи метров над уровнем моря, но семьсот пятьдесят — тоже немало.

— Всем доброе утро! — Пио, снова расточавший невероятно мерзкий аромат баснословно дорогого парфюма, явился на капитанский мостик.

Рольф, как и остальные, уставился на Пио. Исполнительный директор не баловал их своим присутствием на мостике раньше квалификации.

Осознание причины, почему Пио изменил своим привычкам, убило настроение на корню: журналисточка. Принесли ее черти.

Пио тем временем пожимал руки всем присутствующим, вещал о том, что: “Ему было знамение, что этот уикенд будет чем-то особенным”. Рядом с ним стоял высокий молодой человек.

Явно не из гоночного племени, у Рольфа глаз был давно наметан. Парень жадно озирался вокруг, распахнув и без того огромные глаза. Одет он был достаточно буднично — в огромную белоснежную футболку и оверсайз штаны-карго. На фоне местных, носящих майки в облик и узкие джинсы, парень выделялся, но уже завтра паддок наводнят такие персонажи, что он не то что из лидирующей группы выпадет, вообще не будет квалифицирован. И даже многочисленные татуировки, покрывающие руки, дополнительных очков ему не давали.

— Рольфи, а мы к тебе! — просиял Пио. — Знакомься, это Джастин Виндзор, прошу любить и жаловать. Автор проекта “Уикенд с Формулой Один”, что потрясет все рейтинги и чарты и станет бестселлером на все времена.

А что, не девица будет?... Рольф “завис”, у него никак не получалось “воткнуть” нужную шестеренку в мозгу.

Парень улыбнулся, пожал чуть костлявыми плечами. Заминка явно возникла не впервые, Пио, небось, тоже вылупился на него. Может, даже и спросил, а где мисс Виндзор.

— У нас случилось недопонимание, прошу меня извинить, — у него был чуть дребезжащий голос и классический британский акцент. Никакого кокни с проглатыванием большинства звуков или американ инглиша, где ни окончаний, ни предлогов.

— Да не вопрос, мы ж не о свидании договаривались, — Рольф протянул руку. “Хвост” ему нафиг не сдался, особенно в Бразилии, где и без нянькания с богатенькими мечтателями о славе было чем заняться, но если выбирать, возиться ли с барышней или поводить по паддоку парня — голосование можно даже не открывать. — Рольф.

— Джесси, — Пио, конечно, его представил, но репортер не переломился повторить, еще и сразу обозначая неформальный стиль общения. Пожал предложенную руку.

— Ну вот и славно, — видимо, заплатил за возможность прийти сюда Джесси дохрена, раз Пио не расстроило то, что приударить за красоткой не получится ввиду отсутствия этой самой красотки. — Работайте. Вы лучшие!

И он отплыл. Налетевший порыв ветра разогнал парфюмерную вонь, и все наконец вздохнули свободно.

— Мы трассу обойдем, — сказал Рольф и поманил Джесси за собой. Фелипе, Надин и остальные не ответили, уткнувшись в мониторы.

— Спасибо, что согласился... — Джесси крутил головой так активно, что Рольф всерьез начал опасаться, что ему шею заклинит.

— Ты, наверное, к Маурисио под крылышко хотел? — Рольф свернул, уводя Джесси чуть дальше от боксов. — Во избежание недоразумений, давай сразу тебя предупрежу. Гонщиков в паддоке снимать можно. Подходить к ним за автографом или сфотографироваться тоже можно... — он тормознул, оглянулся, посмотрел на висевший на груди Джесси бейдж-пропуск. — Да, тебе можно. Брать автографы, просить сфотографироваться вместе, если есть такое желание. В боксы не суйся, если только тебя не отвел туда кто-то с капитанского мостика, и машины снимаешь только на трассе, если опять таки тебе не разрешил делать это руководящий состав и не показал, что именно можно фотографировать и когда.

— Мостик? — переспросил Джесси. — Это как на корабле что ли?

У Рольфа зазвенел мысленный звоночек-сигнализация.

— Что ты знаешь о Формуле Один? — не стал тянуть резину Рольф. — Или ты девственник вообще?

На щеки Джесси хлынула краска, но он быстро справился с собой.

— Ну, я в курсе, что у машины четыре колеса, — признался Джесси.

— Погугли “Тиррел триста сорок четыре”, тебя ждет прелюбопытнейшее открытие, — хмыкнул Рольф. — Пошли, погружу тебя в прекрасный и неизведанный мир.

Эх, прокатить бы его на двухместном болиде, Рольф бы несколько часов сэкономил, не проговаривая словами через рот прописные для гонщика истины. Но у команды Рольфа такой машины не было, а у кого есть, их время уже расписано до минуты.

Так что придется идти длинным путем.

— Итак... — Рольф снова свернул, выходя на трассу. До момента, когда на нее выедут первые автомобили, оставалось еще минут сорок, так что сейчас на полотне было безопасно. С чего бы начать, чтобы не слишком перегрузить?...

Рольф настроился вытерпеть этот уикенд. Но Джесси вроде был не противный, по крайней мере, пальцы сразу гнуть не стал, и Рольф тоже решил не говниться. Чем быстрее утолит любопытство Джесси, тем скорее освободится.

— Куда мы идем? — спросил Джесси, видимо, устав ждать, пока Рольф что-то скажет.

— Мы знакомимся с трассой, — ответил Рольф.

Джесс полез в карман джинсов.

— Я могу записать твой голос? — спросил, показывая Рольфу телефон. — Боюсь, все не запомню.

— Валяй, — разрешил Рольф. — Итак. Это кольцевые гонки на машинах с гибридными двигателями. Чемпионат мира состоит из определенного количества гонок, каждый год разного, но плюс-минус двадцать две. В каждой команде по две машины. На финише каждой гонки гонщики, занявшие места с первого по десятое, получают очки, от двадцати пяти до одного плюс бонусное за быстрейший круг. Ну то есть кто в гонке проехал круг за кратчайшее время. Очки за все гонки суммируются. Разыгрывается как личный титул Чемпиона мира, так и командный — Кубок конструкторов, это сумма очков, набранных обоими пилотами. Чемпион мира далеко не всегда ездит на чемпионской машине. Пока все понятно? — уточнил у Джесси. Подошел к хорошо заметной кочке в конце стартовой прямой. Нехорошо, она практически на апексе.

— Кажется, да, — о, а Джесси-то уже загрузился. Быстро как. — Количество команд всегда одинаковое?

— Нет, в какие-то годы больше, в какие-то меньше, в этом году десять, соответственно, двадцать машин на трассе, — Рольф потер подошвой кроссовка асфальт. На этой части трассы его поменяли, и держак появится хорошо если к квалификации. В спринте будет очень скользко. — Максимум — двенадцать команд, потому что столько боксов на пит-лейне. Но особо никто и не рвется, сам понимаешь: собрать команду — дело дорогое.

— Догадываюсь, — Джесси снял с плеч рюкзак, порылся в нем и достал блокнот. — Почему ты сказал, что машины гибридные?

Да ладно, кто-то еще делает заметки от руки? При том, что включил диктофон? Хотя нравится ему — пусть играет. В конце концов, он заплатил. Кстати, спросить, что ли, во сколько Джесси обошелся вояж в Бразилию? Пожалуй, не стоит, Рольфу из заплаченных им денег все равно ни цента не достанется.

— Потому что гибридные, электротурбина и двигатель внутреннего сгорания, — Рольф присел на корточки, рассматривая поворот, сравнивая то, что видит сейчас, с картинкой из памяти. Вроде тут ничего не изменили. Хорошо. — Устройство всей этой штуки я тебе не расскажу в двух словах, но если интересно — погугли. Информация не секретная. Как пилот скажу, что если электрическая часть навернулась — у тебя сразу минус двести лошадей и большие проблемы с тормозами. И да, мигающий у нас на задку фонарь это не стоп-сигнал, а показатель, что батарея сейчас заряжается.

Джесси что-то записал. Почесал кончиком ручки макушку. Волосы у него вились еще более мелкими и упругими завитками, чем у Тоби, но, в отличие от Дюнкерка, отрастившего гриву до самых плеч, Джесси стригся коротко, так что волосы стояли плотной темно-русой пеной. А глаза зеленые и странно-прозрачные, будто бы водой наполненные. Впрочем, так могло показаться из-за яркого солнца.

— Зачем мы это делаем? — поинтересовался Джесси. — В смысле, идем по трассе. Ради меня?

— Нет, это ради меня, — ответил Рольф. — В том смысле, что я пошел бы сюда и без тебя. Это необязательно, и Тоби, например, считает меня ретроградом, потому что ногами мерить автодром в двадцать первом веке — архаизм. Но мне так привычнее. Пройти, посмотреть, прикинуть, где могут возникнуть проблемы с управлением.

— Тоби? — уточнил Джесси.

Рольф остановился, посмотрел на него. Прикидывается? Да вроде нет, вон, пишет чего-то сосредоточенно. Левой рукой, весь скрючился, спешит. Пио его настрадал, что ли?

— Тобиас Дюнкерк, действующий чемпион мира, а если Чарли мехом внутрь не вывернется, то и без пяти минут победитель этого года, — пояснил Рольф. — Сейчас погуляем — и я тебя познакомлю. И это, расслабься. У меня, конечно, и без твоей книги есть чем заняться, но... — вот черт, чуть не сорвалось с губ: “Я не Маурисио”. О таких нюансах репортерам трепать не стоило. — ... но когда не буду занят, расскажу обо всем, что тебе будет интересно. И поясню, если чего-то не поймешь.

М-да, поосторожнее надо. Паренек располагал к себе, и легко было забыть, кто он и зачем сюда явился.

— Спасибо, — Джесси заминки Рольфа, к счастью, не заметил. — А можно я вопросы буду сразу задавать? Ну не как на лекции, когда сначала надо дослушать до конца, а потом спрашивать, а по ходу?

— Конечно, мы ж не в колледже, — Рольф улыбнулся. — Мне так даже проще будет, пойму, о чем надо поподробнее. Кстати, знаешь, как называется этот поворот?

— А у него есть название? — удивился Джесси.

— Вот ты неуч, — со смешком поддел его Рольф. — Названия есть у Гран-При, у трассы, на которой он проводится. Это разные вещи, если что. Вот сейчас мы на Гран-При Сан-Паулу, а трасса — Интерлагос. И почти у каждого поворота этой самой трассы тоже есть имя. Не знаю, откуда так пошло, никогда этим не интересовался. Но вот мы с тобой сейчас идем по шикане Айртон Сенны. Шикана — связка медленных поворотов. Айртон Сenna...

— Я знаю, кто это, — Джесси, кажется, обиделся. — Его все знают, как и Шумахера.

— Вообще-то все знают Тоби, про него даже песню написали, — с усмешкой поправил Джесси Рольф. — Но Сenna и Шумахер — уже хорошо. Поворота имени Шумахера здесь нет, зато есть Апельсин и Сосна. Сосна — это почти что Стена Чемпионов в Канаде. Хочешь узнать, почему?

— Еще бы! — просиял Джесси.

— Внимай! — велел Рольф и погрузился в сладостный мир воспоминаний и преданий королевы автогонок, как давно называли Формулу Один.

Когда они вернулись к стартовой прямой, Джесси по-прежнему не знал ни о расписании проведения Гран-При, ни о том, как выбирать тип резины и за что даются штрафы, зато оказался в курсе того, как ничем не примечательный отбойник на выходе из поворота всего за полтора часа обрел такую славу, что даже четверть века спустя он остается в неизменном виде. Еще бы, три чемпиона мира разбили машины о нее в одной гонке — Стена Чемпионов, чтоб ее.... Рольф познакомил его с тем, что происходит сейчас в чемпионате, на кого стоит обратить внимание, помимо очевидных претендентов на титул: Тоби, Чарли и Маурисио. Последний, впрочем, претендентом оставался лишь номинально, уже все понимали, что у Дюнкерка и Кларка машины в этом году быстрее. Но у команды Рольфа еще оставался шанс попортить кровь остальным в битве за Кубок конструкторов, так что, как говорится, ответы на вопросы даст только клетчатый флаг.

Небо начали затягивать облака. Интерлагос показывал свой характер.

— Тебе пора идти? — спросил Джесси, посмотрев на экран телефона. — Пио предупредил, что в первой половине дня у тебя будет на меня только сорок пять минут.

— Минут десять еще есть, — Рольф заметил вдали Чарли и Тоби, болтающих о чем-то по пути к паддоку. — Пойдем, с героями только что услышанных тобой баек познакомлю, — он помахал парням рукой и поманил за собой изрядно припухшего от впечатлений Джесси.

А может, это и круто, что он о Формуле Один вообще ничего не знает. Через полчаса Виндзора ждет самое большое чудо в его жизни — он сможет услышать скорость и всей кожей ощутить мощь современных формульных болидов.

Если бы кто-то надумал проводить опрос на тему: “Что такое Гран-При?”, — самым популярным ответом был бы: “Гонка”. И для обычного зрителя именно так и было. Старт, ревущие моторы, дымящиеся шины, сталкивающиеся машины, клетчатый флаг и душ из шампанского на подиуме. Куда меньшая часть, так сказать, продвинутых фанатов выбрала бы “Квалификация и гонка”. То есть короткое соревнование в субботу за право стартовать с более близкой к началу пелетона позиции и сама гонка.

Для Рольфа же самой важной частью Гран-При была первая тренировка. Именно в этот момент можно было или оказаться у трассы в фаворе, или попасть к ней в немилость. И тогда, как ни настраивай машину, толку не будет.

— Рольфи, у нас все, как ты любишь, — стоило подключить наушники, как Надин начала свой рассказ. — Температура воздуха плюс двадцать шесть, трасса пока сорок пять. Прогноз без дождя.

— Прелестно просто, — Рольф поерзал, устраиваясь удобнее. Поправил мягкие наколенники, надел и застегнул перчатки. Вставил в разъем руль.

— Рольф, начинаем с седьмого режима, потом пробуем десятый и третий, — в относительно небольшое поле зрения, оставляемое шлемом, попал Кит Брейн. Худой, как скелет, вечно хмурый и немногословный, он был гением. И нормальные пилоты с ним предпочитали дружить.

— Принято, — ответил Рольф перфоманс-инженеру команды.

Так называлась должность Кита. Никаких выступлений он не устраивал, ну или наоборот, как раз без него они бы и не состоялись, как посмотреть. Кит отвечал за настройки машин. Причем, в отличие от Надин, бывшей личным гоночным инженером Рольфа, Кит одинаково работал с обеими машинами.

Давно не секрет, что современный болид — это конструктор. Есть неизменные его части: силовая установка, представляющая собой симбиоз бензинового двигателя и электромотора, шасси и кокпит — та самая сверхпрочная капсула, спасающая пилота в случае аварии. Остальное — тормоза, аэродинамика, шины — свободно менялось от трассы к трассе, что в комплекте с различными настройками состава топливо-воздушной смеси и прочих параметров давало неисчислимое количество вариантов.

“Зеленый сигнал”, — скомандовала Надин.

Машину тут же опустили с домкратов, от отверстий диффузоров убрали раструбы портивных охлаждающих установок. Один из механиков вышел на пит-лейн — полосу вдоль боксов всех команд, подал Рольфу знак, что путь свободен. И тут же, не успев Рольф тронуться с места, замахал руками, требуя оставаться на месте. За его спиной промелькнул брат-близнец машины Рольфа — Маурисио выехал на трассу.

Механик снова дал разрешение выезжать, и Рольф забыл о Маурисио, Пио и даже о Джесси. Остался только он, машина и автодром. А, еще Надин и Кит.

— Офигеть! — кажется, остальные слова у Джесси кончились. Потому что он уже в пятый раз повторил его. — Ну офигеть же!

— Ну да, было неплохо, — Маурисио, источающий благодушие, подошел к ним с Рольфом. — Пио говорил, что у нас гости на этот уикенд, но я не видел вас в боксах.

— Меня на капитанском мостике посадили, — Джесси пожал протянутую руку.

— Поговорю с Пио, пусть завтра вас в боксы проведут, — пообещал Маурисио. — Поверьте, гоночной атмосферой лучше проникаться там. Рольф, отличная квалификация, — он похлопал его по плечу.

— У тебя тоже, — Рольф похлопал его в ответ. — Какой это поул? Сорок второй?

— Сорок восьмой, если со спринтами считать, — поправил Маурисио. — А ты в первый раз на третье место прикатил, да?

— Да, — признал очевидное Рольф. — Машина сегодня отличная.

— Жду завтра не менее отличную гонку, — Маурисио посмотрел на часы. — Джесси, простите, мне пора. Завтра жду вас в боксах, и готовьтесь, что будет громко.

Павлин напыщенный! Как удобно, когда за тебя всю работу сделали, а ты только минуту лицом посветил — и уже герой дня.

Маурисио ушел, оставив за собой неуютную тишину.

Строго говоря, Рольф на сегодня тоже свою работу закончил, и можно было смело прощаться с Джесси и идти отдыхать. Виндзор — ума ему было не занимать, это уже стало очевидно — тоже это понимал и был готов отвалить после первого же намека.

Почему тогда Рольфу не хотелось его отпускать?..

Ответ был очевидный: эмоции Джесси.

Рольф не просто любил гонки. Он ими жил. Но за столько лет от первоначального восторга остался лишь бледный образ, на первый план вышла тяжелая, часто монотонная и всегда опасная работа. От Джесси же фонило таким чистым, неразбавленным восхищением, что ну вот просто бери и черпай ложками.

— Где ты остановился? — Рольф сдался.

— В одном отеле с тобой, — Джесси дождался, пока Рольф посмотрит на него, ухмыльнулся. — Пио любезно сообщил, что селит меня с командой, больше того, мой и твой номера по соседству. Даже сообщил, когда ты выходишь из отеля, на случай, если вдруг я забуду, куда идти, и мне понадобится провожатый.

И развел Виндзора еще на несколько тысяч долларов, потому что отель был ближайший к автодрому и для простых смертных цены за номера просто стремились в бесконечность.

— Если боишься заблудиться, можем договориться встретиться в лобби, — предложил Рольф. — Только когда будильник заводит будешь, заложи себе время на завтрак. Я до гонки не ем. Пройдемся до отеля пешком? Или с тебя на сегодня хватит прогулок?

— Пройдемся, — легко согласился Джесси. Было видно, что его распирает от эмоций.

— Спрашивай, — разрешил Рольф. — Или излагай.

— Ага, — кивнул Джесси, и его терпению пришел конец.

Он иссяк только на пороге отеля. Вопросов сегодня у него не было, только эмоции. Чистые, концентрированные, порой прямо противоположные друг другу — именно то, за что и любят гонки во всем мире.

Рольф изредка позволял себе подкинуть дров в костер его чувств, напоминая о том, как Чарли испортили лучший круг, когда перед ним возник медленный болид возвращавшегося в боксы гонщика, или как самому Рольфу не хватило пяти тысячных до второго места в квалификации.

— На самом деле, мне нужно было шесть тысячных, — уточнил Рольф.

— Почему? — Джесси полез за блокнотом. В нем уже было немало исписанных страниц.

— Потому что я должен показать лучшее время, а если бы результат был одинаков с Тоби, он остался бы впереди, потому что показал это раньше меня, — пояснил Рольф. Не вспомню в каком году и на какой трассе, но в истории Формулы был прецедент, когда на первых трех позициях стартовой решетки стояли гонщики, показавшие в квалификации абсолютно одинаковое время. До тысячной доли секунды.

— Я поуглю, кто это, интереснейший же факт, — пообещал Джесси. — Но я не понял, почему завтра снова будет квалификация?

— Потому что здесь у нас спринт-уикенд. Завтра будет мини-гонка, где можно не жалеть шины и на более легкой машине просто стоять на газу, — пояснил Рольф. — Не все пилоты в восторге от спринтов, потому что практически нет времени нормально настроить машину,

для механиков такие уикенды просто ад, особенно если пилот разобьется утром и у них всего четыре часа до квалификации на основную гонку, и надо как-то собрать шалтая-болтая, но зрители это любят, и просмотры у них нехилые.

— Экономическая выгода, — понятиливо кивнул Джесси. — И билеты в субботу будут так же хорошо продаваться, как и на большую гонку. Я правильно понял, что спринты бывают не на каждом Гран-При?

— Всего шесть за сезон, то есть каждую четвертую гонку, — подтвердил Рольф. — Тебе повезло.

— Ага... — выражение лица Джесси сделалось странное. — Я только теперь понял, насколько.

— Завтра будет еще круче, Маурисио прав, в боксах атмосфера особая, — пообещал Рольф. — Спокойной ночи.

— Ага, — рассеянно кивнул Джесси. Запустил руку в волосы. — Во сколько мне завтра быть в лобби?

— Девять утра, — раньше в паддоке делать было нечего ни Джесси, ни Рольфу. — Отдыхай, день будет насыщенный.

И подал пример, первым уйдя в свой номер.

Глава 4

П

Утром вид у Джесси был заспанный.

— Засиделся в сети? — со смешком поинтересовался Рольф. — Полночи гуглил термины?

— Что?.. — не понял его Джесси. Тряхнул головой. Плотные кудряшки даже не шелохнулись. — А, это... нет. Хотя соблазн был, не спорю. Нихрена ж не понятно, что такое все эти держакки, дэреэсы, почему поворачиваемость может быть недостаточной и как ее отличить от избыточной... Я сидел вчера на мостике и постоянно ловил себя на мысли, что вообще ничего не понимаю.

— Про поворачиваемость как раз несложно, — Рольф толкнул дверь. Вышел сам, придержал, чтобы тяжеленная створка не ударила Джесси. Отель был дорогой и для уровня Сан-Паулу неплохой, но реновации не видел с момента постройки полвека назад. — Меня мой первый тренер научил их различать в пять лет, — продолжил, когда они с Джесси двинулись к автодрому. — Все зависит от того, видишь ли ты дерево или слышишь его. Пояснить?

— Погоди, дай соображу... — Джесси нахмурил лоб, почесал в затылке. — Не подсказывай, сам хочу, — он просиял. — А, кажется дошло. Если ты пытаешься от дерева отвернуть и все равно видишь его перед капотом — недостаточная.

— А если отвернул и задел его багажником, потому что задние колеса в занос сорвались — избыточная, — подтвердил его догадку Рольф. — Для нас недостаточная хуже, потому что вытаскивать машину из заноса мы умеем.

— Понял, — Джесси снова вооружился блокнотом, записал что-то на ходу. Сегодня он снова был в тех же безразмерных карго, что и вчера, только сменил футболку. Тоже огромная, она была зеленая с какими-то яркими узорами. На тонком для мужчины его роста и сложения запястье красовались несколько кожаных браслетов, из-под рукавов выглядывали смешные картинки татуировок. — Теперь давай про держак. Из контекста разговоров я уяснил, что это не часть болида.

— Да ты перешел на темную сторону, падаван юный, — возвышенно, насколько мог изобразить этот тон, продекламировал Рольф. — В том смысле, что нюхнул уже бензинчику, раз у тебя не машина, а болид, — похлопал Джесси по плечу. — Не грузись, я просто несу бред, как обычно перед стартом. Держак — это слой резины на асфальте. Наши шины очень мягкие по сравнению с обычными дорожными, и когда мы едем, это все равно что ластиком по бумаге водить. Он быстро стирается, а на бумагу налипает тонкий слой. Только на бумаге он не держится, дунул — и нету, а к асфальту прилипает. По такому покрытию ехать лучше, в поворотах не так сносит.

Джесси удивленно распахнул глаза.

— Надо же, я думал что вы, наоборот, избегаете этих черных полос, — снова записал что-то в блокноте. Наверное, расшифровку держака. — Ну по чистой дороге же лучше.

— Лучше ехать по чистому воздуху, — "добил" Джесси Рольф. — Ща поясню. Когда ты едешь за кем-то, твою аэродинамику нарушают завихрения от болида. Да, если пристроиться совсем близко, то можно на слип-стрим попасть, и тогда это тебе на руку... — казалось, от волос Джесси вот-вот дым пойдет, так сосредоточенно он слушал, явно не понимая и половины сказанного Рольфом. — Слип-стрим — область разреженного воздуха. Антикрылья будут работать похуже, и машина не получит полного объема прижимной силы, но и сопротивление меньше, а значит, выше скорость.

— Секундочку, я переварю, — попросил Джесси. — Ехать, когда перед тобой никого — это чистый воздух с нормальными потоками, да? — Рольф кивнул. — Условно единица

прижимной силы и единица скорости, — кивнул еще раз. Мозги у Джесси варили как надо, и это было куда важнее, чем девица ли он с офигенными буферами или длинноногий высоченный чуть нескладный парень. На его мозги у Рольфа вставало все и вся, в переносном, конечно же, смысле. Ему хотелось подкидывать задачки и наблюдать, как он идет к правильному ответу. — Если перед тобой машина — воздух грязный и прижимная сила... половина?

— Точнее, она от половины до полутора, и ты почти не можешь предугадать, когда в какую сторону качнется, — поправил Рольф.

— Жуть какая, — передернулся Джесси. — Слип-стрим — это ноль пять прижимной и полтора скорости, да?

— Да, а дэреэс или, официально, система уменьшения аэродинамического сопротивления — искусственный слип-стрим, — завершил пояснения Рольф. — Сегодня обрати внимание в спринте, часть заднего крыла ложится горизонтально, открывая щель. Ею не воспользуешься по своему желанию, на каждой трассе есть зоны, где это можно делать, и точки детекции перед ними. Чтобы открыть антикрыло, в этой точке ты должен преследовать соперника и быть от него менее чем в одной секунде. По окончании участка система автоматически отключается.

— Но вчера же вы никого не догоняли, а пользовались ею, — возразил Джесси.

— Квалификация — другое дело, — Рольф довольно кивнул. Какая бы ни была у Джесси каша в голове вчера, и как бы не перегрузил он свои эмоции, а информацию-то запомнил. И даже структурировал, судя по всему. Глядишь, и в его статье гонки выйдут нормальными. — Там задача проехать максимально быстро всего один круг, так что крыло открывать можно без детекции. Но все в тех же зонах.

— И правильно, в повороты входить без нормальной прижимной силы — тут дерево и увидишь, и услышишь, и даже обнимешь, — улыбнулся Джесси.

— Соображаешь, — похвалил Рольф. Полез в карман за пропуском — до турникетов оставались считанные метры. — Хочешь посмотреть на разминку гонщика? Вне машины, если что.

— Хочу, — загорелся Джесси.

— Тогда заодно и моторхоум покажу тебе, — Рольф приложил карточку-пропуск к сканеру, прошел через турникет. Подождал, пока к нему присоединится Джесси. На "служебном" входе народу было немного, но зрители на трассу уже шли вовсю. К одиннадцати, когда придет время начинать спринт-гонку, на трибунах будет полно народу.

Моторхоум отчего-то не произвел на Джесси вау-впечатления. Нет, он, конечно же, крутил головой, рассматривал выставленные в витринах кубки прошлых лет и даже залип на архивные ролики. Но потом пробормотал что-то похожее на "Национальный дом" и явно потерял интерес.

Ну и ладно. Рольф и сам недолюбливал эту вечную толчею в небольшом помещении, кучу праздно шатающегося народу и бесконечный шум. Это была вотчина Маурисио — тот мог торчать тут часами, общаясь с фанатами, раздавая автографы и фотографируясь со всеми желающими.

— Идем, — поманил Джесси Рольф. Приложил пропуск к панели возле не приметной двери, и через секунду они оказались во внутреннем коридоре.

— Ого, — оживился Джесси. — Я думал, тут только одно помещение, вроде как пресс-центр. Их на каждом Гран-При строят?

— Нет, мы таскаем их из одной страны в другую, как машины и оборудование, — Рольф поманил его за собой, с непривычки тут и заблудиться недолго. — Это быстровозводимая конструкция. Сложили в контейнер — и в самолет.

— Круто... — Джесси потрогал стену. — А сейчас куда мы идем?

— В мою комнату, — Рольф еще раз приложил пропуск. — При неблагоприятных условиях, когда нет возможности снять номер в гостинице, я и Маурисио вполне комфортно раз-

мещаемся тут на все время Гран-При. Но, честно говоря, это не очень хорошо на психику действует. Ты словно заперт на трассе и не можешь расслабиться, — он пропустил Джесси в комнату. — У меня личный санузел, массажный стол, кровать и даже, видишь, место для спортзала выкроилось.

— Вы много тренируетесь? — Джесси выступил из кроссовок и пошел по устланному ковролином полу к небольшому окну. Вид из него был так себе — на задворки паддока, но хоть дневной свет проникал.

— Полноценных пять тренировок в неделю, — Рольф тоже разулся. Это было его правило в этой комнате. — Кардионагрузки, тренировки на выносливость. Силовые лично у меня три раза в неделю, больше нельзя, начинают мускулы переть, а это лишний вес. А на Гран-При я разминаюсь, чтобы разогнать кровь и подготовить тело к работе. Садись, не стой столбом. Хочешь — на кровать, хочешь — на стол, он крепкий.

Джесси примостился на край кровати. Рольф разделся донага, вытащил из шкафа упаковки с нижним бельем, носками, "подроспешниками" — футболкой с длинным рукавом и трико.

— Вся моя одежда должна быть изготовлена из негорючих материалов, — пояснил Рольф, привычно натягивая на себя вещи "корпоративного дизайна". — Но она не слишком приятная к телу, так что я предпочитаю переодеваться уже тут, — протянул футболку Джесси. — Чувствуешь?

— Ну да... — он попробовал ее растянуть. — Надо же, прямо компрессия.

— Занимаешься спортом? — поинтересовался Рольф.

— В зал иногда хожу, — быстро ответил Джесси. — А это что? — он показал на валяющийся на столе тренажер для шеи.

— И до него дойдем, — заверил его Рольф. — Раз в зал ходишь, не хочешь присоединиться? Уровень сложности "Очень просто", только разогреться.

Джесси одарил его красноречивым взглядом, полным возмущения, будто бы Рольф ему погоняться предложил. Но кивнул.

— А давай, — решился наконец. — С чего начнем?

— С планки, — Рольф придвинул стол вплотную к стене, чтобы на полу небольшой комнаты смогли разместиться двое мужчин. — Трех минут будет достаточно.

Джесси оказался крепким орешком, в том смысле, что в планке он не только не отключивал зад, облегчая себе задачу, а еще и спокойно болтал. Не вызвали затруднений у него и отжимания — и тоже с техникой выполнения был полный порядок. И когда Рольф заставил его сесть на задницу, оторвать ступни от пола и вручил блин от штанги, Джесси не взмолился о помощи, а синхронно с Рольфом выполнял повороты корпуса вправо и влево.

— Иногда ходишь в зал, говоришь? — хмыкнул Рольф, разглядывая руки Джесси, увитые вздувшимися венами. — И сколько раз в неделю это иногда случается?

— Два, — обезоруживающе улыбнулся Джесси. — Ну что, время этой странной штуки пришло?

— Да... — Рольф скривился. Из всех упражнений в мире это он ненавидел больше всего. И именно ему приходилось уделять максимум времени. — Знаешь, на какую часть тела гонщика приходится самая большая нагрузка?

— Руки? — Джесси показал, как крутит руль.

— Шея, — Рольф похлопал себя по означенной части тела. — Тело плотно зафиксировано в сидении и пристегнуто ремнем, ногам в тесноте кокпита тоже деваться некуда. А голову ты никак некрепишь, ею же вертеть надо. Пяти-шестикратные боковые перегрузки — обычное дело, а уж про фронтальные и задние я вообще молчу. И это не разово, а на каждом круге, — он взял в руки нечто, отчаянно напоминавшее собачий намордник, только на очень большого пса. "Корзинка" из кожаных ремней надевалась на голову, а с одной стороны к ней крепи-

лись регулируемые по силе сопротивления резинки, как в эспандерах. — Мне будет нужна твоя помощь, — позвал Рольф Джесси и вручил ему "косу" из резинок, оканчивающуюся крепкой рукоятью, как раз у эспандера и позаимствованной. — Тяни на себя.

— Ого! — выдохнул Джесси, едва попробовав. — Ого-оо... — он с видимым усилием растянул жгуты. — Сколько тут килограммов сопротивления? Я тебе голову не оторву?

— Пятьдесят, и моя голова останется на месте, — Рольф плавно потянулся в сторону, еще усиливая нажим.

— Не знаю, чего я больше сейчас боюсь, — признался Джесси. — Что ты победишь и я рухну кувырком, или что резинки лопнут и я собственными руками отобью себе яйца.

— Еще ни разу не лопались, — Рольф натужно выдохнул. — Теперь плавно отпускай — и переходим на другую сторону.

Через пять минут адских усилий с шеей было покончено. Рольф скинул с головы намордник и растянулся на полу, отдыхая.

— А мне можно попробовать? — спросил Джесси. — Вот черт, я тебя сфотографировать забыл.

— Завтра снимешь, я каждый день гоночного уикенда так развлекаюсь, — Рольф сел, потом встал. Пристроил упряжь на голову Джесси. — Готов? — и мягко потянул, прикладывая совсем небольшое усилие.

— Вот черт... — Джесси старался держать голову прямо. — Черт! — воскликнул, когда Рольф потянул чуть сильнее. — Я держусь только потому, что если расслаблюсь — влечу головой тебе в пах, и ты не сможешь выйти на старт, — признался сквозь зубы.

Рольф рассмеялся и дал Джесси свободу. Бросил тренажер обратно на массажный стол, достал комбинезон и гоночные кроссовки.

— Он тоже из негорючего материала? — поинтересовался Джесси. Потрогал комбинезон. — Необычный.

— Это немекс, жутко технологичная и кошмарно дорогая ткань, — пояснил Рольф. — В этом комбезе можно гореть целых одиннадцать секунд, и внутри температура не поднимется выше семидесяти градусов по Цельсию. А вот за эти уши, — он показал на "крылышки" по линии втачивания рукавов — маршалы могут вытащить потерявшего сознание гонщика из кокпита. Раньше были погоны, но с введением устройства поддержки головы и шеи за них стало неудобно хвататься. Это та пластиковая черная штука у нас на плечах.

— Я понял, да, — кажется, на сегодня пора было завязывать с просвещением неофитов. "Буфер обмена" у Джесси явно заполнился до предела.

Впрочем, на ликбез времени и не осталось. Рольф закончил одеваться, дождался, пока Джесси обуется, и они вернулись в моторхоум. Там Виндзора перехватил Пио, через мгновение передав кому-то из своих многочисленных помощников с распоряжением:

— Дорогуша, проводи нашего гостя в бокс Маурисио и побудь с ним, чтобы не заскучал.

Ну нормально завуалировал: "Чтобы ничего лишнего не снял". Ладно, в конце концов, Пио тут почти самый главный, пусть развлекается. Рольфа ждет работа.

II

Маурисио старт проспал. Тоби уже поравнялся задними колесами с его передними, когда он наконец тронулся с места.

Сам Рольф стартовал хорошо и вывернул руль, занимая середину трассы. Чарли напирал сзади, алые бестии Феррари и второй Макларен брали в плотные клещи со всех сторон.

Он бы проскочил, если бы Маурисио или дал бы газу — тогда можно было бы уткнуться носом в его задний диффузор, или хотя бы чуть сдвинулся к краю полотна. Но он сосредоточил внимание только на уже прочти обошедшем его Тоби и пер прямо, как ледокол, не оставляя Рольфу места.

Кузова болидов уже давно не делали из металла, но скрежет Рольф все равно слышал. Кажется, это были его зубы. Нос болида Рольфа ткнулся в заднее колесо Маурисио, подпихнул его, выкидывая из шиканы Сенны на полосу безопасности.

Тут же самого Рольфа нехило приложили в бок. Он с огромным трудом удержал машину, кое-как уместился в поворот и поспешил убратся уже из этой кучи малы.

— Надин, как телеметрия? — спросил, пытаясь по поведению машины понять, есть ли критичные повреждения.

— Норма, — отозвалась Надин. — Продолжаем работать.

— На каком месте Маурисио выехал? — поинтересовался Рольф и тут появились желтые флаги, предупреждающие о каких-то неполадках на трассе и запрещающие обгоны. Рольф чертыхнулся, даже не подумав отключить радио, а флаги сменил виртуальный пейс-кар — в силу вступили ограничения скорости на трассе.

— Маурисио разбил машину в Сенне, — Рольф хоть и догадался, в чью честь салют, но до последнего надеялся, что повод другой.

— Как он сам? — вроде Рольф его не очень сильно толкнул, по идее должен был поймать машину на полосе безопасности и вернуться на трассу. Почему доехал до отбойника?

— В порядке, — ответила Надин. — Следи за скоростью, — и отключилась.

Маршалы справились быстро, когда кругом спустя Рольф подъехал к Сенне, машины Маурисио уже не было, а еще через круг сняли и режим ограничения скорости.

— Как покрышки? — поинтересовался Рольф. Обогнав пару машин, он вышел на шестое место. Впереди были Тоби, Чарли и его напарник и две Феррари.

— Износ больше оптимального, — Надин, умничка, как всегда верно поняла его вопрос.

Рольф, конечно же, не состоянием шин интересовался, а тем, будут ли Маурисио и его гоночный инженер требовать расследования инцидента. Напрямую спросить он не мог — радиопереговоры пеленговались как съемочной группой, чтобы потом выдать в эфир особо “сочные” моменты, так и многочисленными любителями “аудиоспоттинга”. И не хватало еще, чтобы по Сети гулять пошло. Вот поэтому и приходилось идти на уловки. Надин знала, что Рольф никогда не говорил “покрышки”, так что догадалась, на какой именно вопрос надо ответить.

— Держи меня в курсе, если придется идти на дополнительный пит-стоп, — попросил Рольф. И неважно, что в спринтах их не было, мало ли какие проблемы у машины. Тем более после контакта. Пусть пеленгуют, кто хочет — все равно не догадаются, о чем на самом деле речь.

Ерунда, конечно, там чистой воды гоночный инцидент. Но пострадал-то Маурисио. Пять секунд штрафа могут и впаять.

— Нет, мы на ранее обсуждаемой тактике, — через пару минут отозвалась Надин.

Ага, значит расследования не будет. Ну что же, самое время погоняться. Рольф поймал идущего на пятом месте напарника Тоби в зону дерезс, открыл крыло и встал на газ.

— Ты не имел права этого делать! — Маурисио брызгал слюной. — Ты выставил меня идиотом!

— У меня не было выбора, — Рольф пристроил свой шлем на верстак.

Маурисио набросился на него, едва Рольф вернулся в боксы после взвешивания в закрытом парке. Ему было плевать на механиков и присутствующих в боксах гостей — он жаждал сатисфакции.

— Ты был обязан меня пропустить, я твой лидер, — не унимался Маурисио.

— Я бы тебя пропустил, если бы мне было куда подвинуться, — завелся Рольф. Ну сколько можно, в самом деле. — Или надо было собрать в кучу остальных?

— Плевать мне на остальных, это был мой спринт, — наседал Маурисио.

— Он был бы твой, если бы ты не прошлепал старт и смотрел по сторонам, прежде чем крутить рулем, — процедил Рольф, стискивая кулаки.

Как же ему надоело терпеть этого индюка! О крутом нраве того же Тоби слагались легенды, и случись такая ситуация, он бы сам вывез Рольфа, наплевав на штрафы. Поступок Маурисио — верх трусости. Типа, я ничего не делал, это меня вытолкнули. И самомнение размером с Тихий океан — его, великолепного и неподсудного Маурисио, не может выпихнуть с трассы какой-то там второй номер его команды.

— Маурисио, друг мой, почему нам не обсудить создавшееся положение в моем кабинете? — Пио, почувшавший, что дело может кончиться прилюдным скандалом, с пит-лейн их мог снять на камеру кто угодно, увел Маурисио. — Рольфи, не уходи.

А ему есть куда? Через четыре часа старт квалификации к завтрашней гонке.

Пио поманил его к себе через четверть часа. Рольф успел выпить бутылку воды, посмотреть запись старта и убедиться, что Маурисио мог бы просто проехать по зоне безопасности и вернуться на трассу, но, видимо, последнее место в пелетоне — слишком низкое для его величества, и Онцо просто пролетел до самого отбойника. Идиот.

— Рольфи, мне не нравится твое отношение к команде, — Пио раскачивался, перекачиваясь с мысков на пятки. Пальцы он соединил подушечками и то приближал ладони друг другу, то снова их отдалял. Ну прямо очковая кобра, раздувавшая и убиравшая капюшон и танцующая на хвосте. — После того, сколько раз мы шли тебе навстречу...

— Это гоночный инцидент, я не мог по-другому, — стоял на своем Рольф. — Начал бы оттормаживаться — разбил бы свою машину, и Маурисио, скорее всего, вынес бы Чарли после того, как въехал в меня.

— А может, Маурисио бы успел уехать и выиграл бы сегодня спринт, — возразил Пио. — В отличие от тебя, у него для этого были все шансы.

Конечно, все обновления первым делом ставятся на машину Маурисио. Рольф получает новые детали в лучшем случае через пару Гран-При после Онцо.

— Я приехал на четвертое место, пропустив только Тоби, Чарли и одну Феррари, — давил свое Рольф.

— И Тоби, и Чарли, — не сдавался Пио. — Ты практически уничтожил шансы Маурисио на Чемпионский кубок.

— Нет, если он не просрет еще и гонку, — Рольфу надоел этот цирк. В конце концов, ему надо отдохнуть перед квалификацией, если Пио хочет, чтобы обе его машины завтра стартовали в первой десятке.

— Не тебе судить, кто как выступает, — взвизгнул Пио. — Я хочу тебе напомнить, что контракт на следующий год мы еще не подписали. Стоимость ведь может возрасти. Насколько я понимаю, спонсоров у тебя по-прежнему нет, да? Что будешь делать, если я назначу цену за Гран-При не пятьсот тысяч, как в этом году, а, скажем, восемьсот? Легко ли ты найдешь дополнительные семь миллионов?..

Он улыбался. Холодный, как мурена, и такой же мерзкий.

— Нужно будет — найду, — Рольф надеялся, что его голос звучит достаточно уверенно. Потому что он сейчас отчаянно блефовал. Ему и двенадцать-то собрать непросто.

— Не нужно, если мы придем к компромиссу, — старый интриган все понял. Этот раунд остался за ним, вчистую. Пио по-отечески похлопал Рольфа по плечу. — Мы же к нему придем.

— Да, конечно, — выдавил улыбку Рольф. — Команда прежде всего.

— Вот и отлично, мой мальчик, — просиял Пио. — Иди отдыхай, я хочу увидеть прекрасную квалификацию, — и королевским жестом велел Рольфу убираться.

Глава 5

В боксах кипела работа. Все механики сгрудились вокруг машины Онцо.

К машине Рольфа если и прикоснутся, то только перед самым началом квалификации, чтобы залить топлива да поменять колеса — наверняка Пио уже тут побывал и отдал распоряжение насчет этого. Еще и своего личного помощника надсмотрщиком оставил, чтобы никто не посмел ослушаться.

И ладно бы с машиной Маурисио была большая беда, когда четырех часов между спринтом и квалификацией действительно могло бы не хватить, чтобы ее восстановить. Но Пио важно было показательно покарать Рольфа, заставив его квалифицироваться и стартовать завтра на сегодняшних настройках.

А и фиг бы с ним. Рольф поддернул сползший с задницы расстегнутый комбинезон и достал телефон из выделенного ему механиками ящичка, вызвал абонента из записной книжки. Вызов приняли после первого же гудка.

— Наш дракон выпустил тебя живым? — раздался грубый голос. Рольф отнял телефон от уха — даже на минимальной громкости динамика собеседник ревел иерихонскими трубами. — Тебя сразу массировать или сначала в ледяной ванне замочить?

— Ледяную побереги на завтра, я хочу вздремнуть перед квалификацией, — Рольф потер шею. Это только кажется, что спринт-гонка — занятие легкое. Эти сто километров выматывали почти так же, как и триста полной гонки.

— Уже лечу, мой сладкий, — пробасила Эмбер, личный физиотерапевт Рольфа, и отключилась.

Высокая, статная, если не сказать полная, она обладала удивительной, а порой и ужасающей силой. В прошлом году Эмбер фактически в одиночку дотащила Рольфа от закрытого парка до его комнаты в моторхоуме, когда гонка в Катаре для него закончилась тепловым ударом и обмороком, едва он выбрался из машины.

И при своих габаритах она потрясающе легко и быстро двигалась. Вот и сейчас Рольф только подходил к своей комнате, а она уже ждала его у двери.

— Дай, что ли, обниму? — спросила, раскрыв объятия.

— Да ладно, не настолько глубоко уязвили мою гордость, — отмахнулся Рольф, все-таки улыбнувшись. Рядом с этой женщиной грустить было как-то по-детски, что ли. Хотелось расправить плечи, доказать всему миру и ей, что он тоже что-то может.

— Ну и отлично, пойдем, спину посмотрю, — Эмбер кивнула на дверь комнаты Рольфа.

Делая массаж, она не нежничала. А когда находила зажатую мышцу, накидывалась на нее, просто как коршун на добычу, мяла плоть, как тесто для утреннего хлеба.

Эмбер состояла в штате команды и получала жалованье, как механики или инженеры. Но так как она была личным физиотерапевтом Рольфа, от него зависело, будет ли продлен ее контракт на новый срок. Едва выдержав первый сеанс массажа, Рольф был уверен, что откажется от ее услуг. Но через полчаса боль утихла, а вместе с ней ушли и застарелые зажимы. Эмбер осталась, и помимо физиотерапии еще и следила за весом Рольфа, его физической кондицией и питанием.

— Скажи Надин, пусть она механиков напряжет проверить твоё кресло, — она нажала Рольфу на ребра справа, и он задохнулся от резкой боли. — Пока тут просто повторяющиеся ушибы, но если так дальше пойдет, к концу завтрашней гонки будет перелом, — она расстегнула набитый всякой всячиной чемоданчик, без которого с Рольфом не встречалась, что-то достала оттуда. — Местное обезболивающее, — пояснила, нанося на кожу прохладную мазь. — В сидении, наверное, выступ, при перегрузках он впивается в твоё тело. Пусть глянут.

— Я скажу, — пообещал Рольф.

Дождлся, пока Эмбер закончит массировать ему ноги, перебрался на кровать и накрылся одеялом. Напряжение отпустило, и его страшно клонило в сон. Уже почти засыпая, Рольф вспомнил, что надо поставить будильник. С трудом разлепив глаза, он выставил его на тринадцать ноль-ноль по местному времени — за час до начала квалификации, и позволил себе отключиться.

Погода, видимо, решила оставить свои главные сюрпризы на завтрашнюю гонку. Над Интерлагосом лениво плыли пухлые, как из воздушного зефира, белоснежные облака. Редкие, так что то и дело показывалось высоченное синее небо, и солнце озаряло своими лучами Интерлагос и окрестности.

Когда за полчаса до начала квалификации Рольф пришел в боксы, машина Маурисио уже стояла "под парами". Поврежденные детали заменили, лоск навели, и она снова была готова к бою.

— Рольф, я тебе чуть баланс сместил и режимы двигателя перенастроил с учетом завтрашнего прогноза, — Кит не боялся Пио и нарушил его распоряжение не трогать машину Рольфа.

В отличие от механиков, его Пио не мог уволить единолично, нужно было решение владельца команды, Жерара Сантини. А тот сманивал Кита из Макларена десять лет и платил ему не из бюджета команды, а из своего кармана.

— Спасибо, — искренне поблагодарил Рольф. Подсел к монитору, запустил файл с архивом телеметрии его машины со спринт-гонки.

Со всеми до единого показателями он не был знаком — тут нужны были знания инженера. Но основные он мог интерпретировать и соотнести с участками трассы и номерами кругов, и таким образом получить основанное на цифрах, а не на ощущениях понимание, как вела себя машина.

Негромко пискнул телефон — через пять минут начинался первый сегмент квалификации. В боксах было оживленно, как и обычно перед стартом. Надутый, как индюк, Пио привел каких-то очередных гостей, что-то им рассказывал.

Рольф выключил монитор, убрал телефон в ящик. Взял с верстака шлем. Вставил в уши наушники, натянул балаклаву-подшлемник. Вывел провода, проверил, чтобы нигде не зацепились. Расправил складки ткани, убрал волосы под несгораемую ткань. Увы, все эти правила были написаны кровью пилотов. В гонке не поправишь выпавший из уха наушник, а ехать без подсказок гоночного инженера — ну примерно как попробовать посадить самолет в Хитроу без указаний диспетчера и курсо-глиссадной системы. Выбилась чуб из-под балаклав, а машина полыхнула — получай ожог.

Покончив с приготовлениями, он надел шлем. Открыл-закрыв визор. Все в порядке.

— Ты уже взвесился? — старший механик Билл подошел к нему с планшетом в руке.

— Сейчас иду, — Рольф взял в руки перчатки, встал на весы. Билл записал результат.

— Отлично, ты не похудел и не поправился, — кивнул на болид. — Садись?

— Да, думаю, Надин отправит меня на трассу сразу, как дадут зеленый, — Рольф глянул на соседнюю машину. Маурисио еще не появился? Хотя для него это нормально. Сколько раз он неспешно вползал в боксы, когда квалификация уже шла.

Втиснуться в современный болид было так же непросто, как надеть космический скафандр. Во-первых, нужно было пролезть через высокий и узкий ободок системы "Гало" — такого рельса безопасности вокруг головы пилота. Во-вторых, проскользнуть внутрь узкого кокпита. Желательно, чтобы под задницей и на спине не образовалось складок комбинезона, под действием перегрузок эти незаметные валики ткани превращались в орудия пыток. Наконец нужно было вставить руль в разъем и пристегнуться пятиточечным, как у пилота истреби-

теля, ремнем. На обратную манипуляцию, кстати, существовал временной норматив: пилота не допускали до гонок, если он не был в состоянии покинуть машину за семь секунд.

На кокпите стояли мониторы. В наушнике, стоило подключить шнур в разъем, заговорила Надин.

— На первую попытку идем сразу, прогноз нестабилен, — сказала она.

То же самое указание получил и Билл. Он дал команду, и механики принялись убирать грелки с колес и мониторы. Еще минута — и, стоя на пит-лейне, Билл разрешил Рольфу выехать из бокса.

На "прогревочном" круге пришлось потолкаться — выехали почти все, и на трассе было многолюдно. Из-за того, что выезд с пит-лейна был уже после отсечки старт-финиш, а заезд туда — до нее, чтобы зафиксировать квалификационное время, нужно было проехать не один круг, а целых три — выезда, собственно "боевой" и возвращения. Первый "быстрый" круг вышел у Рольфа неплохим как по виртуальному месту на стартовом поле, так и по абсолютному времени — всего на полсекунды медленнее вчерашнего квалификационного. Понятно, что надо еще работать, но уже сейчас можно было быть уверенным, что во второй сегмент Рольф пройдет.

Когда-то гонщикам давался час и двенадцать кругов, чтобы показать лучшее время. Это приводило к тому, что если не было проблем в свободных заездах и машина оказывалась удачно настроенной, то гонщики минут сорок, а то и пятьдесят отсиживались в боксах, а потом все дружно выезжали, показывали время и удалялись обратно. В сети до сих пор можно было найти фотографию Михаэля Шумахера, сидящего на верстаке в боксе и жующего яблоко в самый разгар квалификации. Зрители не получали шоу, телевизионщики негодовали. Формат квалификационных заездов принялись менять так и эдак, и сейчас остановились на таком варианте: три сегмента продолжительностью восемнадцать, пятнадцать и двенадцать минут с промежутками около десяти минут. Количество кругов не регламентируется, шины — в пределах общего лимита комплектов на машину на Гран-При. По окончании каждого сегмента пять худших отсеивались, времена более удачливых обнулялись, и в новом сегменте все начиналось сначала.

На первый взгляд запутано, но уже к концу первой просмотренной квалификации зрители улавливали суть. Интересно, а Джесси понял? Вчера и сегодня утром Рольф его об этом не спросил, а после спринта он и вовсе делся куда-то. Может, на мостике сидит? Ладно, будут у Джесси вопросы — он его сам найдет. Рольф закончил круг "охлаждения" и свернул в боксы.

Его машину подняли на домкраты, "переобули" на колеса с новыми шинами. "Свежая" резина держала дорогу лучше, и порой новый комплект мог помочь сбросить с времени круга четверть, а то и половину секунды. Колеса с уже использованными шинами, конечно же, не выбрасывали — их можно было поставить в гонке, где важнее не абсолютная скорость на одном-единственном круге, а стабильный темп в течение десятков километров.

Машина Маурисио стояла на домкратах, а вокруг нее было странное оживление.

— Онцо вышел во второй сегмент? — спросил Рольф у Надин.

— Он еще не выезжал, — ответила та. — Его вообще в боксах не видели.

— Что за фигня еще? — не понял Рольф. Маурисио, конечно, разные номера откалывал, но совсем не явиться на квалификацию — это же автоматически не попасть на гонку.

— Не знаем, его ищут по всему паддоку, — Надин помолчала. — Вернемся к тебе. Пока ты шестой, но все еще поедут и будут улучшать, полотно нагревается.

— Выезжаем под клетчатый флаг или не будем рисковать в траффик попасть? — поинтересовался Рольф.

— Посмотрим, будь готов, — и Надин отключилась.

Рольф посмотрел на монитор. До окончания первого сегмента оставалось восемь минут. У Маурисио была от силы половина этого времени, чтобы прийти сюда и занять место в кокпите.

На часах осталось три минуты, когда к машине подошел гонщик. Не Маурисио, Рольф понял это раньше, чем механик в спешке заклеил номер на машине другим. Дизайн шлема, походка, телосложение — все было иным.

— Надин, скажешь мне, что случилось? — поинтересовался Рольф.

— Сажаем Пабло Варгаса, — ответила та.

Варгас был тест-пилотом команды и обладал суперлицензией — разрешением от Международной федерации автоспорта на управление болидом Формулы Один.

— Но времени же не хватит, его же надо заявить, — не поверил глазам Рольф.

— Заявили уже, — сказала Надин. — Через минуту выезжай на трассу, — велела отрывисто, намекая что разговор закончен.

Этот круг, в общем-то, был не нужен — даже с условием улучшения времен другими Рольф остался в десятке. Второй сегмент дался труднее, Рольф кое-как удержался на седьмом месте, зато третий он просто пролетел. Первым же быстрым кругом он улучшил собственное время вчерашней квалификации, а выйдя на трассу уже под самый клетчатый флаг, он скинул еще три десятых секунды и занял пятое место.

— Отличная работа, — голос Надин звучал сухо. — Возвращайся в закрытый парк. Не забудь перевести двигатель в шестой режим.

— Как Варгас? — спросил Рольф.

— Двенадцатый, — бросила она и отключилась.

Что это с ней? Неужели Пио бушует, считая Рольфа виновным еще и в том, что Маурисио выкинул такой финт? Мол, жуткий немец обидел чуткого итальянца, и тот получил такую сильную моральную травму, что забыл о гонке?

Рольф пристроил машину в зад болида напарника Чарли, взвесился, дождался, пока маршал запишет результат, и пошел в свои боксы. Какое счастье, что этот день наконец закончился. Поговорить с журналистами, переодеться, свалить нахрен с автодрома — и можно поесть. Потом вернуться в гостиницу, залезть под горячий душ и лечь спать, выставив кондиционер на самый холодный режим и по самую макушку завернувшись в одеяло.

Он уже ощущал на языке вкус риса с курицей, когда понял, что в боксах тихо. Все механики жались по стеночкам, и вид у них был потрясенный и одновременно испуганный. Посреди стояли все топ-менеджеры во главе с Пио, а Варгас был так бледен, что как в обморок не упал.

— Что еще случилось? — стаив с головы шлем и балаклаву, спросил Рольф.

Откуда-то из глубины боксов вышли два полицейских.

— Маурисио мертв, — нарушил тишину Пио, глядя на Рольфа полным ярости взглядом. — Он убит.

Глава 6

Рольф осмотрелся. Если это шутка, то она очень неудачная.

— Закрывать двери! — возвестил Пио. Ну прямо начальник Центра управления космическими полетами в Хьюстоне, увидев, как разбился очередной шаттл. А потом воззрился на Рольфа. — Это все ты! — сказал, указывая на него пальцем.

— Пио, я думаю, не стоит делать скоропалительных выводов, — возразил Фабио Монро, спортивный директор команды. Невысокий, полный до такой степени, что казался круглым, он говорил редко. — Парни, давайте закроем боксы, тут Пио прав. Лишние глаза и уши нам ни к чему.

— Да нет, Фабио, давай разберемся, — Рольф скрестил руки на груди. — Меня только что в убийстве обвинили. Хотелось бы знать, на каких основаниях.

— А тебе мало имеющихся? — Пио сжал кулаки. — Ты вообще сегодняшнюю ночь на нарах проведешь!

— Ни одного еще не слышал, — у Рольфа подвело живот, но не от волнения или страха, а от голода. Организму плевать на мировые революции, у него распорядок строгий: пока из машины не вылез, он о еде и не вспоминает, как только — так тут же заявляет о своих потребностях. Сегодня в желудке у Рольфа была только вода с электролитами и простая вода.

— Услышишь, — выплюнул Пио. — Господа полицейские, я официально предъявляю обвинения Рольфу Ритбергеру.

— Ах, официально... — Рольф сел на пол. Он устал, а спектакль, видимо, затянется. — Ну тогда я не скажу ни слова, пока не увижу своего адвоката.

И он надел шлем и опустил визор. Глупо, конечно, по-детски. Но ему край нужно было уединение, пусть и такое. Надо как-то уложить в голове, что Маурисио мертв. И не просто умер от оторвавшегося тромба или разбившись на машине, а убит.

Вокруг разговаривали люди. Призванные полицейские пытались кое-как объясниться на ломаном английском, Фабио велел разыскать специально нанятого переводчика с португальского. Раздавались вопросы, а как же гонка завтра, что говорить журналистам и как преподнести новость миру...

Рольф безучастно сидел на полу, закрыв глаза. Кому, черт возьми, пришло в голову сотворить такое?.. И уж если так приспичило лишить Маурисио жизни, почему посреди Гран-При?

Первыми задрожали ноги. Мелко, противно. Потом предобморочная слабость охватила все тело. Рольфа трясло, как в ознобе, даже зубы клацали.

Кто-то сунул ему в руки термос.

— Залпом не пей, стошнит, — услышал он густой бас Эмбер. — Тут сразу все. Не жрал же ни черта.

Рольф молча забрал у нее термос. Какое счастье, что он с трубочкой, можно чуть приоткрыть забрало и просунуть внутрь.

Месиво было густое, сладкое, одновременно соленое и какое-то мыльное, что ли. Рольф цедил его мелкими глотками и, когда термос опустел, почти пришел в себя.

Или нет. Потому что все происходящее дальше казалось сном. Или бредом.

Со стороны, будто не находится в эпицентре еще только начинающей набирать силу бури, а смотрит на нее извне, Рольф наблюдал за тем, как прибывают все новые полицейские, сначала в форме, потом в штатском. Прибыли консулы сразу нескольких стран — потому что участники инцидента были подданными разных государств. Пио и Фабио спорили на тему, стартовать ли в завтрашней гонке или сняться в знак траура. Кто-то говорил, что решать должен владелец команды и что нужно ему позвонить...

Наконец кто-то тронул Рольфа за плечо. Мужчина за пятьдесят, представительный. В деловом костюме несмотря на субботний вечер.

— Рольф? — позвал мужчину по-немецки. — Я Вейнер Гроссер, посол Федеративной республики Германии в Федеративной республике Бразилия.

— Все так плохо? — открыв визор, спросил Рольф на родном языке. — Ну потому что так официально...

— Нет, — Гроссер позволил себе улыбнуться. — Мне передали, что тебе нужна защита.

— Мне нужен адвокат, но пока мой долетит из Бельгии сюда, боюсь, меня уже линчуют, — пожал плечами Рольф.

— Я твой адвокат, — снова улыбка. — По крайней мере, моя работа — это защита интересов граждан моей страны.

— Звучит неплохо, — Рольф не без труда поднялся на ноги, снял шлем. Пригладил взмокшие от пота волосы. — Меня увезут в участок на допрос?

Гроссер покачал головой. Он больше не улыбался.

— Этого я не допустил бы при любом раскладе, даже если бы у них были основания — тебя привезли бы на территорию посольства, — по-немецки его слова прозвучали особенно резко. — Сейчас речь идет об опросе, и проводят его в пресс-центре моторхума.

— Моторхоума, — автоматически поправил Рольф.

— Его, — согласился Гроссер. — Только беседа. В моем присутствии. И твои показания я тоже подпишу.

— Хорошо, — у Рольфа не просто отлегло от сердца, у него с души валун размером с Луну свалился.

Проходивший мимо Пио, увидев Рольфа и посла, скривился так, будто у него геморрой защемился.

Интересно, а кто вызвал посла? Ведь если бы все зависело от Пио, в немецкое посольство он позвонить бы точно "забыл". Совершенно случайно, конечно же.

Беседовали Рольф и представитель следственных властей в чине майора долго. Сколько именно, Рольф сказать не мог, часов перед глазами не было. Ему пришлось как минимум трижды рассказать о том, как он провел день, особенно время с момента окончания спринт-гонки и до того, как пришел в боксы перед квалификацией. Предельно дотошно майор выпрашивал о ссоре с Маурисио, о разговоре между Рольфом и Пио. Надо же, быстро работают, уже знают про то, что Пио устроил ему разнос.

Рольф отвечал спокойно. Ничего не утаивал. Что не ему платят жалованье, а он сам перечисляет деньги в команду — так это ни разу не секрет. Больше того, спонсоры есть даже у таких звезд, как Чарли и Тоби. Что Пио угрожал поднять "таксу" — все равно все узнают сумму контракта, какая разница. Что у Рольфа деньги из карманов не сыплются и несколько лишних миллионов придется где-то найти... немного стыдно, конечно, в обществе было принято приравнивать всех гонщиков Формулы Один к селебрити. Ну ничего, в Америке двадцать лет существовало шоу "Разрушители мифов" и было популярно, так что Рольф просто пошел по их стопам.

Не стал скрывать он и то, что с Маурисио они не ладили. Если не расскажут механики или инженеры, то Пио точно вынесет сор из избы. И наплетет вдобавок, что Рольф несчастному Маурисио угрожал, с гаечными ключом за ним носился и чуть ли не убил по меньшей мере тысячу раз.

— Кто может подтвердить, что вы не покидали свою комнату с момента, как мисс Зандари закончила свою работу? — спросил майор.

— Наша система безопасности, — пожал плечами Рольф. — Комнаты пилотов закрываются, причем замки настроены исключительно на наши пропуска. Маурисио не мог попасть в

мою комнату, я в его — тоже. Мало того, если бы попробовал — это осталось бы в записях системы. На этом настаивал он сам.

— Почему? — тут же уцепился за ниточку майор. — У него были причины опасаться вас?

— Вообще-то в системе остались бы записи о любых попытках проникновения, не только по моему пропуску, но и любому другому, — ну вот, корзина с грязным бельем опрокинулась. Рольфу вовсе не хотелось трясти им перед майором, но если выбирать между обвинением в убийстве и рассказом о том, каким на самом деле был “блистательный светский лев Маурисио Онцо”, то, как говорится, выбор очевиден. — Маурисио безумно опасался, что его снимут в момент, когда он будет к этому не готов. Или кто-то услышит его приватные разговоры. Плюс его аксессуары стоили немалых денег, и он ссал оставлять их даже в сейфе.

Это не телефон Рольфа за пятьсот евро с самым простым кодом доступа, оставляемый в боксах. Максимум, что почерпнули бы неизвестные, решившиеся его украсть — чаты с Чарли и Тоби, где они обсуждали, где и когда устроят очередную тусовку. Переговоры с рекламодателями, уточнение деталей, банковские операции — ну прочитают. Ну сольют в сеть. Какая разница.

— Были ли у вас конфликты с жертвой? — майор подбирался к кульминации допроса, заходя на Рольф уже не помнил какой круг одних и тех же вопросов. Хотя происходящее и называлось беседой, по сути своей это был самый настоящий допрос. Рольфу даже что-то вроде американской “миранды” зачитали, что, мол, вы, господин Ритбергер, предупреждаетесь о том, что ваши показания будут запротоколированы и станут частью уголовного дела.

— Были, — в который уже раз ответил Рольф и спокойно смотрел на майора.

Майор молчал. Видимо, ждал что Рольф не вынесет груза вины и “расколется”.

Рольф тоже молчал.

Майор сверлил его взглядом.

Рольф не отводил глаза.

— Если можно, поподробнее, пожалуйста, — один-ноль в пользу Рольфа. Этот круг он проехал быстрее.

Видимо, правда все шло к клетчатому флагу, до этого детали вражды майора не интересовали, только сам факт ее наличия.

— Маурисио неоднократно пользовался положением первого пилота команды, требуя пропустить его в условиях, когда это было или невозможно по соображениям безопасности, или не имело смысла, — ответил Рольф. — Он неоднократно подчеркивал, что моя роль в команде малозначима, и нелестно отзывался о моем стиле пилотирования.

— Вы считаете, что это было необоснованно? — уточнил майор.

— Идеальный стиль управления может быть только в одном случае: если в болиде нет пилота, а управляет им программный код, — ответил Рольф. — И то возможны осечки, если погода не соответствует прогнозу или внезапно произошел отказ какой-то системы. Мы — живые люди. Нам свойственно ошибаться. За это и любят гонки — за их непредсказуемость.

— Но тогда бы чемпионами становились совершенно разные люди, вам не кажется? — неприятно улыбнулся майор. — Сколько пилотов выходят на старт, двадцать? Значит, в каждой гонке будет побеждать кто-то новый, если следовать вашей теории. Просто случайный выбор, как при игре в бинго из мешочка бочонки с номерами достают.

— Нет, не так, — Рольф вернул ему улыбку. — Ошибки — элемент случайности. Но еще есть опыт, талант, вдохновение. И не забывайте, что одни машины быстрее и лучше управляются, другие медленнее или непослушнее.

Майор, конечно же, ничего не понял. Но кивнул, мол, это ваше мнение, и пусть оно будет в протоколе.

— Чем вам была выгодна смерть Маурисио? — спросил он.

О, как. То есть сомнений в том, была ли она Рольфу выгодна, у майора нет. Ответ на этот вопрос он уже себе дал, осталось только мотив прояснить.

Рольф хотел было обернуться к Гроссеру и поинтересоваться, нормальны ли подобные вопросы в “просто беседе”, но посол уже и сам все услышал.

— Попрошу учесть, что герру Ритбергеру не предъявлены обвинения и его заинтересованность в смерти потерпевшего не доказана, — сказал Гроссер, и у майора скривилось лицо, будто бы ему тройничный нерв пережало.

— Простите, я не так выразился, — скорее выплюнул, чем сказал майор. — Мистер Ритбергер, была ли смерть мистера Онцо выгодна лично вам?

— Лично мне? — Рольф покачал головой. — Нет. Первым номером команды меня не сделают. Платить за участие в гонках не станут. А учитывая, сколько спонсоров поддерживали лично Маурисио, и сколько миллионов не досчитается Фабио в бюджете на следующий год — да я бы сам откачивал Маурисио, пытаюсь его оживить. Кстати, что с ним случилось?

Майор явно не собирался делиться с Рольфом информацией.

— Ну ладно, не хотите — не надо, — пожал плечами Рольф. — Выйду отсюда — любой механик мне расскажет.

— Ему проломили голову тяжелым предметом, сила удара была очень большая, — нехотя ответил майор. — Убийца — физически сильный человек.

— Тут таких полпадка, — Рольфа вообще не напугало такое заявление. — Механики колеса как игрушки таскают, а они не пять кило весят.

— Допускаю, — майор бросил взгляд на Гроссера. Если бы не присутствие посла, он бы явно давил на Рольфа, пытаясь сходу вырвать признание. — На этом все.

Вернее, на этом закончились вопросы. Покинуть переговорку Рольф смог только вечность спустя. Сначала все ждали, пока стенографист расшифрует свои записи и наберет текст, затем Гроссер читал показания, заставил поправить в нескольких местах. Майор пытался возражать, мол, все записано верно, но Гроссер указал на лежащий на столе диктофон и предложил переслушать.

Текст правили, перепечатывали, потом Гроссер снова читал. Майор нервничал, вопрошал, зачем это надо, ведь уже все поправили. Гроссер даже не реагировал, полностью погруженный в чтение.

Рольф все это время просто сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел в стену. Даже не думал ни о чем, настолько устал.

— Все верно, — Гроссер наконец протянул ему стопку листов. — На каждом листе с двух сторон, подпись, расшифровка, дата и время. И номер страницы поставь, — велел, протягивая Рольфу ручку.

— У нас есть, — возразил майор.

— Моей ручкой в моем присутствии, — отчеканил Гроссер.

— Достаточно подписи в конце протокола... — это уже отдавало паникой.

Гроссер не счел нужным ответить. А Рольф не стал спрашивать, с чего такие заморочки. Младенцу понятно — чтобы в протоколе внезапно не поменялись листы, не добавились или не исчезли слова. Гроссер удостоверил каждую его подпись своей.

— А теперь нам нужно вас дактилоскопировать, — хищно улыбнулся майор.

Конечно же, ему выпачкали руки краской чуть ли не до локтей. И руки Рольфу самолично снимавший отпечатки майор выкручивал с особым изуверством.

Закончив, Рольф встал, подпернул по-прежнему болтающийся на бедрах комбинезон, зажав ткань между согнутыми указательными и средними пальцами, чтобы и его не уделать в краске, и ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.